

два
рассказа

Лев
Кожевников

121

Мамонов

ВЧЕРА, не поверите, пересёкся с Петром Мамоновым. Захожу в кафешку, пустовато вроде. За столиком возле окна мужик сидит. Лысина на всю голову. Задумчивый... Бутылка на столе, 0,7 литра. Он, нет? Дай подойду, что ли?

– Пётр Николаич?

Смотрит на меня. Ухмыльнулся.

– Ишь ты! Хоть один признал. А то ходят мимо, как пустое место им. Давай садись.

Ещё один гранёный стакан появился. Набулькал вполовину.

– Садись, садись! Я тебя тут с утра ожидаю.

Врёт, конечно, Мамонов. Не лезет ему водка в однёху. Вон даже бутылку не открывал.

– Не пью я, Петя.

– Я тоже.

И в сторону смотрит. Вернее, в себя.

– О чём думаешь, Пётр Николаич?

– О чём?.. Я, брат, всегда только о Боге думаю. Не отпускает меня Господь даже в мыслях. Да я против разве...

– Вон оно как! А я почему-то больше о Смерти... До Бога высоко, а эта всегда тут за плечами. Она, проклятая, у нас в хрущёвке из подъезда в подъезд, как крыса, ползает. То пенсионера

за шиворот вытащит из кровати и – на погост, бедолагу. То бомжа какого подберёт. А днями буквально тётю Розу, соседку, insult хватил. Внизу квартиры, на первом этаже. Упала бедная и голову вдобавок расшибла. В кровь. Это уж чтобы наверняка, чтобы не вздумала очухаться старая. Контрольный выстрел вроде как.

Мамонов мои мысли услышал будто. Головой мотаает.

– Не, не, не! Ничего-то, брат, ты о Смерти не знаешь. И знать не можешь.

– Ну... Я, может, и знать о ней не хочу. Только куда деваться-то?

– А ты меня спроси?

На испитом лице у Петра Николаича ухмылочка притаилась. Всезнающая такая ухмылочка. Я молчу, жду.

– Ладно, – говорит, – томить не стану. Я, брат, в коме две недели лежал. Мёртвый. Но это я мёртвый, тело моё. Старое, обрыдлое... фу! А душа, лёгкая, чистая, избавилась от грешной плоти и, как ласточка, к Господу напрямиком в объятия. К свету, к благодати Божией.

– Что, так прямо и в объятия?

– Не, не понимаешь ты! Не те, брат, это объятия, когда ты бабу свою обнимаешь, очередную. Я тебе о благодати Божией толкую, донести пытаюсь. Душа моя лаской, теплом наполнилась, светом небесным насквозь проникла. Простор ощутила необыкновенный. Возликовала душа... Тьфу, да тут и слов-то не подберёшь подходящих. Нет у людей таких слов, какие там, возле Господа, понимать начинаешь.

Глаза у Петра Николаича увлажнились от воспоминаний. В каждой морщинке на лице благодать Божия проступила. Потом румянец появился сквозь щетину, и слезинка в щетине запуталась. Блестит. И ведь что странно, глядя на просветлённый, будто с иконы лик Мамонова, я тоже эту благодать вдруг прочувствовал. Снизойла. Достучался Господь и до меня, безбожного, через вот этого человека напротив.

Долго молчали, наслаждались новыми, необыкновенными чувствами. Я и вовсе с комком в горле сидел, разрыдаться хотелось. Потом гляжу, а бутылка на столе наполовину пустая стоит... Тут я сомневаться начал в причине сошедшей на нас благодати. Вопрос задаю Мамонову:

– Что же ты, Петя, не остался там, возле Господа? Обратно вернулся к своим болячкам?

Мы почти ровесники с Мамоновым, одно поколение. Одним пыльным мешком по жизни ушибленные, поэтому понимание друг с другом легче даётся. Но от моего вопроса Петя явно поскурился.

– Вернулся, да... Нет, не думай, не по своему желанию. Я-то как раз остаться хотел. Душа того страсть как хотела. Но Господь отговорил. У тебя, брат, в земной жизни много забот осталось. Перечислять не стану, сам знаешь. И жалеешь, про это тоже знаю. Поэтому поживи ещё, а потом... Потом милости просим. Так-то вот.

Я плечами пожал. Бес сомнения во мне уже поселился. И думаю про себя: «Когда ты, Петя, разговариваешь с Богом – это молитва. А когда Бог разговаривает с тобой – это называется шизофрения».

Похмыкал я, однако молчу. Но Мамонов мои мысли услышал будто. Вспыл даже.

– Ну, не дурак ли ты?! Чего, думаешь, я с Богом вот как с тобой, через стол, рожа в рожу, глаза в глаза разговаривал? Не видел я Бога вообще, пойми ты, мил человек. Я его ощущал, душа ощущала. Молча друг друга понимали. Нет, не объяснишь это на нашем птичьем языке, говорил уже... Там, – повёл он широко вокруг узловатой ладонью, – ничего этого в помине нет. Не существует там наша реальность. И понятия наши, земные, отсутствуют. Понятия Смерти, кстати... которой ты так боишься, да и не ты один, тоже там нет.

– А чего есть тогда?

– Ну, вот! Опять за рыбу деньги! Тебе Бога там мало? Ты здесь, брат, своё брэнное тело оставляешь, как изношенную тряпку, а твоя душа, бессмертная душа, к Богу отлетает. Потом твоя душа, если пожелаешь, новое тело получит. Юное, здоровое. Вернёт тебя Господь на землю. Душу твою вернёт. В новом теле.

– Ладно, дурак я. Уговорил. Тогда почему моя бессмертная душа, обретаясь в новом теле, никогда не помнит, что с ней было вчера?

Я долго ждал ответа...

Утром, друзья, я проснулся. Несмотря на тяжёлое похмелье, свой сон по-

старался, как смог, записать. В реальности с Мамоновым я «не пересекался». Но к концу беседы, точно помню, бутылка 0,7 литра осталась пустой. Это было накануне моего дня рождения, кстати. С четверга на пятницу.

А за поздравления, други мои, вам большое отдельное спасибо!

P. S. Помер Пётр Николаевич 15 июля 2021 года. Царство небесное его мятущейся, скорбной душе. Но давайте будем надеяться, что заскушает он там по земной, неустроенной, бестолковой жизни, выпросит у Господа новое тело и вернётся к нам, потерявшимся в миру, потерявшим Веру, с живым Божьим словом... вразумит неразумных.

124

Охота по зайцу

АФОНЯ Селезнёв, не старый ещё, угрюмый с виду мужик, воротаясь из родни, проживавшей на другом конце города, застал у себя под окнами неизвестно чью новенькую светло-серую иномарку. Вокруг иномарки бродили куры, соседские и свои, греблись, а Афонин петух, недоумённо вздрагивая гребнем, долбил в зеркальном колпаке собственное нелепое отражение.

Судя по номеру, машина была нездешней, из области. В салоне, убранном коврами, звучал мягкий, задумчивый блюз. Но хозяина в машине не оказалось. Он появился от соседей справа и издали звучно окликнул Селезнёва по имени-отчеству:

– Афанасий Степаныч?! Наконец-то...

Перед Афоней стоял румяный, свежий мужчина лет сорока с уже изрядным животиком и, пожимая руку, приветливо улыбался.

– Не признаёте, Афанасий Степаныч? Как же так? А ведь приглашали сами, а? Ну, ну?..

Афоня никак не признавал.

– Чего тут стоять-то? Айдайте, стало быть... до дому тогда? – неуклюже пригласил он, пытаясь забрать у него свою руку.

Но приезжий сочно расхохотался и облапил Афонию за плечи. Он, видимо, привык делать всё обстоятельно.